

Несправедливая укоризна ¹⁾.

(Письмо въ редакцію).

Въ Февральской книжкѣ Богословскаго Вѣстника за настоящій годъ на мою долю досталась укоризна отъ Ал. П. Лебедева въ томъ, что я приписалъ ученѣйшему р.-катол. епископу Гефеле „невозможнѣйшій абсурдъ“ (стр. 281—примѣч. подъ строкою).

Обвиненіе—конечно тяжкое, и мнѣ—признаться—горько слышать это,—тѣмъ паче, что бросивъ на меня эту укоризну А. П. не благоволилъ обставить свою рѣчь такъ, чтобы дѣло было изложено въ надлежащей ясности и чтобы никакимъ недоумѣніямъ мѣста не оставалось.

Въ чемъ же однако дѣло?

Дѣло въ томъ, что слова „невозможнѣйшій абсурдъ“, сковалъ самъ А. П., что изъ подъ моего пера ихъ выпускаемо не было.

Я въ своемъ разборѣ Гефелевскаго мнѣнія по разбираемому вопросу употребилъ выраженіе, что Гефеле допустилъ „важный недосмотръ“.

Чтобы, кажется, нетерпимаго въ такомъ моемъ выраженіи, чтобы слѣдовало изъ за него выпускать такой громкій выстрѣлъ? Ал. П. изъявляетъ свое неудовольствіе на мое замѣчаніе, слѣланное при разборѣ сужденія Гефеле потому, что такимъ замѣчаніемъ оказывается неуваженіе къ учености Гефеле; не говоритъ А. П. ясно—но разумѣть даетъ, что благодаря такимъ не разумнымъ отношеніямъ къ трудамъ за-

¹⁾ Считаю справедливымъ дать мѣсто объясненію Преосвящ. Іоанва, бывшаго профессора Моск. Дух. Академіи, рѣшеніе спора редакція представляетъ читателямъ.

падныхъ ученыхъ, мы рискуемъ опасностію подвергнуться непріятностямъ отъ Нѣмцевъ: благо намъ, что Нѣмцы не читаютъ нашихъ книгъ.

Да позволено мнѣ будетъ отстранить отъ себя обвиненіе, какое незаслуженно возвелъ на меня г. Лебедевъ.

Въ разбираемомъ мѣстѣ, служащемъ поводомъ къ настоящему непріятному объясненію, у Гефеле идетъ рѣчь о томъ, кто былъ составителемъ Символы вѣры, извѣстнаго теперь у насъ подъ именемъ Никои-Цареградскаго. Гефеле пишетъ (Ист. соб. т. 2, стр. 10):

Никифоръ Каллистъ свидѣтельствуесть,—(точно было бы перевести слова Гефеле: will wissen—словами: Никифоръ хочетъ знать—но вѣдь смыслъ отъ сего не измѣняется):—такъ Никифоръ Каллистъ свидѣтельствуесть, что Символь нашего собора былъ изданъ Григоріемъ Нисскимъ, Маркъ Евгеникъ на Флорентійскомъ соборѣ утверждалъ, что авторомъ Символа слѣдуетъ признавать или признается (werde gehalten) Григорій Богословъ.

Но то и другое показаніе—продолжаемъ рѣчь Гефелеву такъ мало обстоятельны и мало достовѣрны—что Тильмонъ, какъ мнѣ кажется имѣлъ право, mit Recht—(замѣтьте, читатель, это выраженіе Гефелево, въ немъ вся сущность дѣла)—Тильмонъ имѣлъ право высказать совершенно иную гипотезу. Какая же это гипотеза Тильмона—которую имѣлъ право выставить онъ, Тильмонъ, и которую одобряетъ самъ Гефеле (wie mir scheint—mit Recht)? Слѣдуетъ рѣчь о Символѣ Епифаніевомъ, составляющемъ corpus delicti настоящаго нашего объясненія съ Ал. П.

Тильмонъ—продолжаетъ Гефеле—исходитъ изъ того, что Епифаній въ своемъ Ancoratus с. 121 помѣстилъ подобный (ahnliches) символъ, съ замѣчаніемъ, что символъ тотъ состоялъ во всеобщемъ употребленіи и что обстоятельно изучать его обязаны были всѣ оглашаемые.—Но Ancoratus Епифанія изданъ былъ еще въ 374 г., какъ объ этомъ совершенно ясно говорится во многихъ его мѣстахъ (слѣдуютъ цитаты указывающія на тѣ мѣста).—Слѣдовательно рассматриваемый символъ долженъ былъ появиться въ церковномъ употребленіи по крайней мѣрѣ десятилѣтіемъ раньше до второго Вселенскаго собора и представляется вѣроятнымъ, что соборъ не собственно новый Символь составилъ (nicht eigent-

lich neues Symbolum aufstellte), но воспринялъ такой, который былъ уже въ употребленіи заравѣе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣнилъ, именно привелъ въ сокращеніе,—какъ это доказывать можно сравненіемъ текста у Епифанія съ текстомъ дѣйствительнаго Символа составленнаго нашимъ соборомъ.

За симъ у Гефеле слѣдуетъ изложеніе нашего настоящаго Никои-Цареградскаго Символа вѣры. Снова прошу Г.г. читателей припомнить выраженіе Гефеле, что онъ Гефеле за этимъ мнѣніемъ Тильмона признаетъ право—mit Recht—и самъ ему сочувствуетъ.

Судите же теперь Г.г. читатели безпристрастные, имѣли ли я основаніе выразиться, что Гефеле допустилъ важный недосмотръ, когда онъ не усвоивъ надлежащаго значенія свидѣтельствамъ Никифора Каллиста и Марка Евгеника—оказываетъ предпочтеніе мнѣнію Тильмона, который своими соображеніями не только не помогаетъ дѣлу, а только еще болѣе оное затемняетъ.

Ежели же я имѣлъ основаніе употребить выраженіе, что Гефеле—предпочитающій Тильмона Никифору Каллисту и Марку Евгенику—допустилъ важный недосмотръ, то на чемъ же основывается А. П. укоряющій меня, что я приписалъ Гефеле невозможнѣйшій абсурдъ.

Въ заключеніе этой своей замѣтки присоединю еще нѣсколько словъ:

Инкриминируемая А. П. мои изслѣдованія писаны были уже болѣе 35 лѣтъ тому назадъ; той книжечки, гдѣ содержится разбираемое мѣсто, у меня въ настоящее время не имѣется, она за давностію лѣтъ затерялась. Ежели тамъ окажется что-нибудь такое, что съ моимъ настоящимъ объясненіемъ не согласно и что можетъ служить для А. П. достаточнымъ основаніемъ къ укоризнѣ мнѣ, то я готовъ принести ему тысячи извиненій за то, что защищая себя теперь, отнимаю силу у его нападеній на мои строки писанныя больше 35 лѣтъ тому назадъ, а ежели и тамъ—въ той книжкѣ—содержится то-же, что и въ моемъ объясненіи настоящемъ, то я буду доволенъ спокойствіемъ въ своей совѣсти, что объясненіемъ своимъ я *operam et oleum non perdidit*.

Іоаннъ Епископъ Аксайскій.

Мартъ, 6, 1902.